

тежно занимающемуся культурными наслаждениями мировому бель-этажу, доложить в качестве подлинного свидетеля, прошедшего круги ада, как там живет, — это было одной из задач, не знаю, насколько субъективной, но во всяком случае объективной задачей Горького.

Я думаю, потому именно А. М. взял себе такой псевдоним — Горький. Он доложил о себе этой визитной карточкой читательскому миру: я — горький писатель, горько вам будет пить то вино, которое я приготовил, горько прозвучит в ваших ушах моя речь. И что же — вдруг всеобщее признание! Сначала небольшое количество критиков, потом целые хоры писателей, и русская общественность людей 90-х годов, которые пережили в себе целый переворот, ему сказали: неправда это, не горький ты, ты — сладостный. В тебе есть сладость подлинной радости жизни, такой светлой, такой обещающей. Ты поешь вместе с весной, которую мы сейчас переживаем. Лучшие времена начались в 90-х годах. Снеговой саван как-то начал свертываться. Какие-то ручки зажурчали, какие-то новые птицы запели, и твой голос среди них. Он возвещает о новом, и в этом есть свежее, весеннее счастье.

А, между тем, прямого показа счастья было мало в сочинениях Горького, и даже в его молодой романтике, которая была таким золотом, суриком и пурпуром написана, но в которой в конце концов полусказочные личности кончали более или менее плохо. Но не в обрисовке побед, не в каких-то бла-